

Умберто Эко: «Пражское кладбище». Отрывок из романа

Героем своей новой книги «Пражское кладбище» Умберто Эко сделал человека, в высшей степени отталкивающего. Капитан Симомнини – мошенник, убийца и предатель, вдобавок ко всему он страдает раздвоением личности. Он ненавидит евреев и вообще не любит людей. Свой черный путь он венчает созданием одной из самых гнусных фальшивок в истории – «Протоколов сионских мудрецов». «Сноб» первым публикует по-русски главу из романа Умберто Эко, который выходит в издательстве Corpus. На наши вопросы ответит неизменный переводчик романов Умберто Эко Елена Костюкович

Всего реплик: 5
Участники дискуссии: Сергей Алещенко, Елена Костюкович

Перевод с итальянского – Елена Костюкович

Кто я?

24 марта 1897 г.

Вовсе и не тянет меня начинать эти страницы, душу на них оголять по велению – проклятие! нет – по подсказке! окаянного немецкого еврея (австрийского вообще-то, но ведь это все равно). Меня – то есть кого? Кто это – «я»? Думаю, ответить можно, перечислив, что и кого любит человек. Так кого люблю «я»? Никаких людей любимых я бы назвать не мог. Люблю поесть. Это да. При одном упоминании «Серебряной башни» («Ля Тур д'Аржан») я весь дрожу. Если это любовь – то вот.

Кого я ненавижу? Евреев, ответил бы с ходу. Но моя готовность раболепно потакать австрийскому доктору (а хоть бы и немецкому!) доказывает, что, в сущности говоря, я ничего не имею против растрепроклятых евреев.

О евреех я знаю только то, чему научил меня дедушка. Евреи – народ до мозга костей безбожный. Евреи думают, что добро проявляет себя не на том, а на этом свете. Поэтому они желают этот наш белый свет захватить.

Все мое отрочество омрачил этот жупел, евреи. Дедушка описывал прозорливые иудейские очи, лицемерием несказанным доводящие людей до посинения. Описывал их нечистые ухмылки, их разъяренные гниенные пасти, зубы торчком, взоры тяжелые, развратные и скотские, носогубные складки подвижные, усугубляемые ядовитостью, и носы, крючковатые, наподобие клювов южных птиц... Что ж до глаз – о, их глаза! Лихорадочно вращаются в орбитах у евреев их зрачки цвета горелых гренков, знак заболевания печени, где накопилась вся их желчь за восемнадцать столетий. Вокруг зрачков – размякшая кожа нижних век, испещряемая тысячами морщин каждый год, и уже в двадцать лет иудей выглядит потасканным, почти старик. При ухмылке его напухшие веки прижмуриваются, оставляя еле проницаемую щель, и это примета лукавства, как расценивают некоторые, или же гримаса похоти, как утверждал мой дед. Когда я подросток и стал понимать больше, дед добавил еще одну подробность. Евреи, сказал он, мало того что спесивы как испанцы, неотесанны как хорваты, алчны как левантинцы, неблагодарны как мальтийцы, наглы как цыгане, немывыты как англичане, сальны как калмыки, надуты как пруссаки и злыязыки как уроженцы Асти, они еще и прелюбострастники по причине безудержного приаппетизма, причиненного обрезанием, в чем великое несоответствие между их плюгавыми фигурами и громадностью пещерного тела внутри срамного их недокалеченного роста.

Мне эти евреи вечно снились по ночам.

Благословение случаю, что я не сподобился наяву знакомиться с ними. Исключая однажды, в юности, ту потаскушку в туринском гетто. Но меж нами и двух-то слов, считай, сказано не было. Второй еврей в моей жизни – вот этот самый лекаришка, не то австрийский, не то немецкий. Я, откровенно говоря, не ощущаю различия.

Немцев же я видал и даже делал с ними дела. Они – самая низкая ступень человеческого развития. Немец в среднем выделяет вдвое больше кала, чем француз. Гиперактивность его кишечной функции вредит работе мозга. Тем и объясняется их физиологическая второсортность. Во времена варварских орд пути германских полчищ, как правило, обрастали несоразмерными кучами фекалий. Да и в последующие столетия путник-француз понимал, что перешел за эльзасскую границу, чуть только он встречал из ряда вон выходящие габариты оставленных около дороги экскрементов. Мало того: немцам как нации свойствен повышенный бромгидроз (смердячий пот). Доказано, что немецкая урина содержит не менее двадцати процентов азота, в то время как у других народностей содержание азота в моче не превышает пятнадцати.

У немцев постоянно засоряется желудок из-за безудержного употребления пива и тех типичных свиных колбас, которые они поглощают. Поглядел я на них в свою мюнхенскую поездку. На протабаченные, как английский портовый склад, эти их кабаки... Ни дать ни взять пышные храмы, где вместо ладана сало и шпик. Туда они ходят парами, немецкие херры с их самками, и трясут на высоте пивными кружками (скорее кадками), которые согдились бы для водопооя слоновьих стад. И эти пары тварей трясут и чокаются, и снюхиваются, как псы при случке, нос к носу над пеной, лакая с ликованием, и грязно и похабно надсаживаются гортанным хохотом в своем допотопном горлобесии. На щеках и на лицах их бликует масляный пот. Так лучились оливковым маслом тела атлетов в античных цирках.

Это они себе заливают в глотки «Гейст». Вообще-то это слово значит спиритус, спиритуальность, а также духовность. Но в ихнем случае – дух пьяный и поганый, смолоду отупляющий немцев. Чем и объясняется, отчего по ту сторону Рейна никогда не бывало истинного искусства. Разве что несколько картинок с изображением непривлекательных людей и кое-какие стишата смертельной нудности. А уж их музыка! О чем там говорить? Не о трескучем же и замогильном Вагнере, забившем памороки нашим нынешним французам? Мне сказывали, что и у хваленного их Баха творения вовсе лишены гармонии, холодны, как зимние ночи. А уж симфонии, с которыми они носятся, сочиненные Бетховеном, прошу вас, увольте: что касается безвкусыя, так это просто апофеоз.

Злоупотребление пивом лишает немцев способности хотя бы в малейшей мере почувствовать свою вульгарность. Наивысшее выражение их вульгарности – что они не стесняются собственной немецкости. Хвалятся чревоугодником Лютером, безнравственным монахом (он призывал жениться на монахинях?), и радуются, что он испаскудил Священное Писание, переведя его на немецкий язык. Кто-то сказал о них, только кто это был – не помню, что немцы дурят себя двумя главными европейскими наркотиками – алкоголем и христианством.

Тщеславятся своей глубиной. А вся-то глубина-то, что язык их мутен, не имеет ясности, как французский, и не выражает того, что полагалось бы сказать. И поэтому ни один германец сам не знает, что он хотел сказать и что сказал. Эта вязкость, по их мнению, – глубина. С немцами, как с женщинами, нельзя дойти до дна. К сожалению, их

маловыразительный язык, в котором глаголы, пока читаешь, нервно выискиваешь глазами, потому что они никогда не бывают там, где им следовало бы быть, мне пришлось выучить по требованию деда в раннем отрочестве. Нечему удивляться. Дед все, что мог, обезьянничал с австрийцев. До чего я ненавидел этот паскудный язык, а с ним и иезуита, приходившего учить меня, немилосердно наказывая указкой по пальцам.

После того как Гобино написал о неравенстве человеческих рас, принято считать, что ругают инородцев те, кто провозглашает превосходство собственного племени. Мне такие предрассудки не сродни. С тех пор как я окончательно стал французом (наполовину быв им от рождения, по матери), я осознал, до чего мои новые соотечественники ленивы, клезуны, злопамятны, завистливы, самонадеянны до убежденности, будто всякий, кто не француз, – дикарь, и не способны выносить замечания. Но я и понял, каким образом охмурить француза, чтоб он признал недостатки французской нации. Достаточно при нем сказать, к примеру: «поляки знамениты таким-то безобразием», и, поскольку француз никогда не поступится первенством, он моментально возразит: «ну нет, у нас во Франции много хуже». А дальше как уж понесет своих родных французоз, покуда не опамятуется и не скумекает, что это его таким манером одурачили.

Француз не поможет ближнему, даже когда ему это выгодно. Кто неучтивей французского трактирщика! Он с виду ненавидит посетителей (и на деле тоже) и желает, чтоб они провалились сквозь землю (на деле не вполне так, ибо француз еще и ужасно меркантилен). Ils grognent toujours. Они брюзжат. Попробуйте спросить о чем-то – выпучат губы: saïs pas, moi, препохабно, будто газы выпустят.

Французы злы. Они убивают шутя. Они единственные, кто несколько лет подряд для потехи рубили головы друг другу. Счастье французоз, что Наполеон поворотил их злобу на инноплеменников и всех погнал уничтожать Европу.

Они кичатся государством и хвалят его мощь, но сами заняты сотрясанием устоев государства. Никто не перецегиоляет французоз в искусстве строительства баррикад по поводу и без повода, сплошь и рядом, не зная зачем. Они выходят на улицы по призыву какой ни попадя наихудшей канальи. Француз не очень понимает, чего ему надо. Он знает только одно: то, что есть в наличии, не по нем. Чтоб выразить протест, француз поет.

Французы думают, что все на свете разговаривают по-французски. С десятков лет назад произошла история с одним таким Люка. Большого таланта был человек, три тысячи документов подделать сумел, и все на настоящей старой бумаге. Проидоха выстригал чистые форзацы томов в Национальной библиотеке. Он навестрился воспроизводить почерки, хотя и хуже, чем умею это делать я. И продал таких бумаг огромное количество за невообразимые цены этому недоумку Шалю... Серьезный математик, говорят, и член Академии наук, но, как мы видим, совершеннейший тютя. Не только Шаль, но и другие высокоученые академики приняли за чистую монету письма знаменитых личностей, Калигулы, Клеопатры и Цезаря, написанные по-французски! Равно как и переписку на французском языке между Паскалем, Ньютоном и Галилеем! А между тем даже школьникам известно, что в старину образованные люди переписывались на латыни. Ученые мужи, академические старцы не ведают, что у других народов в заводе были и иные языки, помимо их ненаглядного французского! Но из поддельных писем Паскаля вытекало, будто он открыл всемирное тяготение за двадцать лет до Ньютона: ну, и этого с походом хватило, чтобы обмишулить сорбоннцев, отуманенных патриотической спесью.

Возможно, невежество развивается в них от скупости. Скупость – национальная чума, которую они зовут добродетелью и уточняют: «не скупость, а бережливость». Только во Франции могли посвятить целую комедию скупому. И не будем забывать также о папаше Гранде.

Скарденостью дышат их пыльные квартиры, где никогда не меняют обои, а тазики наследуются от прабабок. Корыстность и мелочность французоз видна и по их деревянным закрученным лестницам с непрочными ступенями – во что бы то ни стало экономится пространство. Ежели привьют, как, случается, прививают черенок к дереву, к французам еврея (предположим, немецкого еврея), то получится именно то, что мы сейчас имеем в наличии. Получится Третья республика.

Я, конечно, сам стал французом. Но стал я им только из-за того, что итальянцем оставаться было нестерпимо. Пьемонтец по рождению, я явственно чувствовал, что я – карикатура на галла, но еще ограниченной, чем галлы. Пьемонтцы! От всякой новости пьемонтцы столбенеют. От неожиданностей цепенеют. Чтоб затащить их в Сицилийское королевство (тех немногих пьемонтцев, которые были в гарибальдийском войске), понадобились двое лигурийцев: энтузиаст Гарибальди и зануда Мадзини.

А уж то, что я выяснил в тот раз, когда меня послали в Палермо! Когда это было? Восстановить бы...

Только фанфарон Дюма любил итальяские народы. Наверное, потому, что они превозносили его. Не то что французоз. Французоз прежде всего видели в нем мулата, а уж во вторую очередь – писателя. Нравился же Дюма неаполитанцам и сицилийцам, которые сами помеси, и не по оплошности гуляющих родителей, а по своей истории. Все они вырождались от неверных оттоманцев, от немых арабов и от вырожденцев-остроготов, унаследовавшие самое худшее от разношерстных прародителей: от сарацин нерадивость, от свеев свирепость, от греков безалаберность и крючкотворство. Впрочем, достаточно разок взглянуть на неаполитанских босяков, как они прилюдно напихиваются макаронами, вталкивая их грязными пальцами в хайло и обмазываясь прокисшим помидорным соусом. Я сам, по-моему, этого не видел, но мне рассказывали.

Итальянцы коварны, лживы, подлы, они предатели, предпочитают кинжалы честным дуэлям, предпочитают яды лекарствам, ускользчивы в переговорах и верны только одному принципу – принципу двурушничества, чему пример – бурбонские военачальники и как они повели себя при первом же появлении босяков из войска Гарибальди под командой пьемонтских генералов.

Все оттого, что итальянские военные сделаны из того же теста, что итальянские священники – единственное настоящее правительство, которое в Италии было с тех пор, как этого дегенерата, последнего римского императора, оприходовали (сам подставил задницу) лихие варвары за то, что он дозволил христианству подорвать боевитость гордой нации.

Священники... Когда я соприкоснулся с ними? А в дедовом доме, думаю. Как сквозь туман, вспоминаю их скошенные взоры, испорченные зубы, нечистое дыхание и влажные от пота ладони, которыми они норовили погладить меня по головке. Вот гадость. Эти бездельники относятся к таким же опасным классам, как бродяги и воры. Тот, кто хочет стать священником или монахом, просто не хочет работать. Работать попам не приходится уж в самую силу их количества. Будь их, ну, скажем, по одному на тысячу голов паствы, они бы не рассиживались по суткам за жирными каплунами. Среди самых никудышных из попов правительство отбирает глупейших и рукополагает их в епископы.

Святоши повсюду. Рождаешься – они тебя крестят. Идешь учиться – учат, если родители были ханжами и заслали тебя в религиозный интернат. И они же занимаются твоим причастием, катехизисом, конфирмацией. Священник в день свадьбы тебя учит, что ты должен делать с новобрачной в постели, а наутро требует исповеди, сколько же раз ты это сделал, чтоб самому повозбуждаться под прикрытием занавеси за решеткой. Попы стращают плотью, плотью, плотью, а сами неприкрыты, каждоденно встают с кровосмесительного ложа и, даже руки не помыв, идут себе кушать и пить своего Господа и, соответственно, потом идут себе Господом мочиться и испражняться.

Поминутно бубнят, будто царствие их – не от мира сего, и, однако, селятся наложить лапу на все, чем только можно поживиться. На свете не будет достигнуто совершенство, покуда последняя церковь не рухнет на голову последнего попа и мир не освободится от поповского семени.

От коммунистов пошло выражение «религия – опиум народов». Это правильно, поскольку религия сдерживает искушения подданных. Кабы не религия, было бы вдвое больше народу на баррикадах. А так во время Коммуны восставшим явно недоставало людей, и всех удалось перехлопать без проволочек. После того как я узнал от австрияка-врача о пользе одного колумбийского снадобья, я подумал: религия – это и кокаин народов, потому что религия подстрекает народы к военным действиям, к резне, истреблению неверных, она подстрекает и христиан, и мусульман, и прочих идолопоклонников. Тех негров из Африки, которые прежде ограничивались междоусобными кровопролитиями,

миссионеры обратили в христианство и понабрали себе из негров-христиан колониальных солдат, идеальных для геройской смерти на передовой и для изнасилования белых женщин при взятии городов. Никогда люди с таким энтузиазмом и полнотою не творят зло, как когда они его творят во имя религии.

Хуже остальных, ясно, иезуиты. Вроде бы я им когда-то устроил веселую жизнь... А может, это они мне подгадили, не удается припомнить... Или, кто знает, это могли быть кровные братья иезуитов, масоны. Масоны то же самое, что иезуиты, только бестолковее. У иезуитов, по крайней мере, только одна богословская теория, и они умеют ею пользоваться, а масоны таскаются со множеством теорий, но без царя в голове. О масонах мне рассказывал покойный дедушка. Купно с евреями они отрубили голову королю. И пробудили к жизни карбонариев, то есть совсем дураковатых масонов, попадавших в старое время под расстрел, а в новое время – на гильотину за то, что не умели бомбу собрать по-человечески. Потом они становились социалистами, коммунистами и коммунарками. Всех их ставить к стенке. Правильно делал Тьер.

Масоны и иезуиты... Иезуиты – масоны в юбках.

Ненавижу юбки за то немного, что мне о них известно. Я много лет проневаидел кабаки с девицами (brasseries femmes), куда сходятся презренные личности самого пакостного разбора. Они опасней явных борделей. Открытию борделей, как правило, противостоят жители соседних домов. А кабаки могут открываться где угодно: туда ведь ходят закусить и выпить. Но закусывают на первом этаже, а на втором и третьем греховодничают. У каждого кабака свой образец. Красотки наряжены на особый фасон. У нас в пивной разносят выпивку немецкие кельнерши, а рядом с Дворцом правосудия девки одеты в мантии, как адвокаты. По одним только названиям все понятно. «У Вертихвосток!» «У Марокканок!» «Четырнадцать ягодиц», неподалеку от Сорбонны! Почти всегда содержатели кабаков – немцы. Вот так и подрывают французскую мораль. Меж пятым и шестым арондисманами подобных притонов не менее шестидесяти. А вообще по Парижу их наберется сотни с две. И вхожи туда зеленые юноши, они идут сперва из любопытства, а после по привычке, пока не схватят трепака, если не худшую какую-нибудь гадость. Злачные места соседствуют с учебными заведениями, стыдоба! После занятий ученики толпятся около дверей и смотрят на милашек. Я лично тоже прихожу. Но я-то прихожу пропустить рюмочку. И смотрю через дверь на этих молокососов около двери, которые с улицы, через дверь, заглядывают туда, где сижу я. Не только молокососы. Там можно набираться сведений и о привычках, и о отношениях всяких взрослых. А сведения могут пригодиться, и пригождаются, каждое в свой черед.

Еще интересно подглядывать, что у них за сутенеры за столами. Одни – мужья, из тех, что кормятся за счет жениных красот. Прилично одетые, они сидят, курят и перекидываются в картишки. Хозяин и девчонки зовут их «рогачи». А в Латинском квартале на подобных ролях в основном студенты-недоучки. Постоянно трясутся, как бы их не обдурили при расчетах, и хватаются за ножи. Самые спокойные – разбойники и убийцы. Они заходят ненадолго, потому что заняты своими убийствами и разбоями. А когда заходят, то понятно, что девчонки шутки шутить с ними не станут, если не хотят назавтра бултыхаться в грязноватой водичке в Бьевре.

Есть и моральные уроды. Заманивают извращенцев и извращенок для тошнотного разврата, зазывают их у Пале-Рояля или на Елисейских Полях условными знаками. А их дружки, переодевшись полицейскими, готовятся нагрянуть в номер в самую сладкую минуту и пригрозить бесштанному клиенту немедленным арестом. На что, естественно, тот вытащит в ответ пачечку ассигнаций.

Я захожу в лупанарии с опаской, понимая, что это риск. Когда клиент по виду денежный, содержатель кивает. Одна из распутниц подсаживается и постепенно подзывает к столу остальных товаров, и вместе пьют и жрут самые дорогие яства (однако бережась от опьянения, заказывают себе наливки анисовые, смородиновые – подкрашенную водичку, остроловый клиент оплатит нешуточными деньгами). Стараются растормозить клиента и на карточные игры. Конечно, перемигиваются... Ты в проигрыше... И тогда требуют платить за всех, кто там ни на есть, – за девок, трактирщика и трактирщицу. Стараешься уклониться – так уговаривают играть не на деньги, а в раздевалочку. На каждую проигранную ставку девчонка снимет что-нибудь из одежды. И с каждым спущенным кружевцом оголяются мерзостные молочные телеса, наливные груди и темные подмышки, пряный пот от которых разит мне прямо в душу.

Я ни разу не ходил на верхний этаж. Кто-то мне говорил: женщины – замена одинокого рукоблудия, только с ними нужно больше фантазии. Возвращаясь к себе и вижу женщин по ночам. Я же тоже не железный. Они сами меня раздражают.

В книге доктора Тиссо я читал: женщины вредны даже на расстоянии. Неизвестно, одно ли и то же – жизненные ликворы и семенной сок. Но бесспорно, что у этих двух текучих сред наблюдается подобие. И после долгих ночных поллюций не единственно силы слабеют, но и тело худеет, бледнеет лицо, рассыпается память, туманится зрение, охрипает голос, во сне витают тревожащие видения, ощущается боль в глазах, на лице проступают красные пятна. Люди начинают харкать слюстками, мучиться сердцебиениями, удушьем, обмороками, у иных появляется понос или зловонные извержения. В результате, как правило, слепота.

Допускаю, что все это преувеличено. По молодому возрасту у меня наблюдались угри, но, наверное, это вообще свойственно отрочеству, а может, дело в том, что все подростки балуются одними и теми же способами, и злоупотребляют, и предаются этому день и ночь. Так вот, я умею дозировать радости. Сны у меня тревожны только после питейного заведения. И мне не случается, как другим, ощущать подъем от одного лишь силуэта идущей женщины на улице. Мой труд отвлекает меня от порока.

Всего реплик: 8

Участники дискуссии: [Сергей Алещенок](#), [Елена Костюкович](#)

Recomendar

3 recomendaciones. [Regístrate](#) para ver qué recomiendan tus amigos.

Всего 8 комментариев Показать все Подписаться на комментарии | Комментировать

Сергей Алещенок 09:45 Сегодня Ссылка раскрыть раскрыть ветвь

Вы работаете с Эко много лет и наверняка изучили все его приемы до мелочей. Удастся ли ему, тем не менее, ставить вас в тупик?

Поддержать Ответить

Елена Костюкович → Сергей Алещенок 09:46 Сегодня Ссылка раскрыть раскрыть ветвь

Я работаю с Эко, в смысле — с писаниями Эко. С самим ним не поработаешь, я вопросов ему не задавала никогда, он в основном только огрызаться умеет. Не любитель растолковывать. Проще самой помучиться. И самоуважения больше останется.

Манеру его, да, я довольно детально изучила, но всякий раз уготованы новые неприятности. Эко, например, чем ближе к старости, тем лучше припоминает диалект, на котором пи пьемонтские крестьяне в пору его военного детства. Можете себе представить радость это переводить.

Редактировать Удалить Ответить

Сергей Алещенок Елена Костюкович 09:46 Сегодня Ссылка раскрыть раскрыть ветвь

или случаи, когда текст Эко вызывал у вас отторжение или неприятие? Не возникало ли у вас желание отказаться от перевода?

Поддержать Ответить

Елена Костюкович Сергей Алещенок 09:47 Сегодня Ссылка раскрыть раскрыть ветвь

Отказываться от перевода Эко — за кого тогда браться? Да, вы угадали, есть мучительность перевода в тех эпизодах, которые у автора написаны «с холодным носом» или чересчур поспешно, потому что издательство «Бомпиани» его переторопило и в результате он текст не дотянул. Или перелицевал уже опубликованный. Это бывает. Но это не до степени скандально, чтобы падать в обморок или кричать «Прощай!». У Эко все же имеется запасное пространство, куда «хужеть».

Редактировать Удалить Ответить

Сергей Алещенок Елена Костюкович 09:47 Сегодня Ссылка раскрыть раскрыть ветвь

ставило автора взяться за тему антисемитизма?

Поддержать Ответить

Елена Костюкович Сергей Алещенок 09:47 Сегодня Ссылка раскрыть раскрыть ветвь

Незнание евреев.

Ни один писатель Восточной Европы не задумал бы такой сюжет, как в «Пражском кладбище» Эко.

Издавна профессор Эко увлекается некоторыми эффектными, хотя и суммарными представлениями и мыслями о евреях. О том, как волшебным выглядело их самообособление в средневековые времена. Как отличает евреев маниакальная книжность. Как близки каббалистические трактовки текстов к семиотическим: расшифровка, взаимоотношение звукового и смыслового рядов, выискивание смыслов в случайных суммах знаков. В «Маятнике Фуко» и в «Баудолино» он уже начинал перерабатывать эти романтические представления о евреях в свой нарратив.

Профессору Эко очень интересен миф о (мнимой) причастности евреев к потаенной группе силы. Он понимает, что это миф, что это литература. И именно поэтому интересуется, откуда взялся миф. Он разбирает «Протоколы сионских мудрецов» как культурную постройку. Одна из главных его на эту тему мыслей, чисто головных — это что для преследования евреев в XX веке в Третьем рейхе потребовалось логичное обоснование, что якобы предлогом для государственной неприязни явилось мнимое бытование евреев в антигосударственных системах, их угрожающее государству объединение. Их предположительная мощь, предположительная взаимоподдержка... Все, что грубо высказано от первого лица в пресловутых «Протоколах». И Эко создает роман о том, что первое лицо, голосом которого звучат «Протоколы» — неестественно, и что этот текст мог явиться как злая пародия, фальшивка, составленная из фальшивок. И использоваться как логическое обоснование для великого зла.

Однако парадокс в том, что это профессору Эко всегда и для всего нужно логическое обоснование — для зла, для добра, для мыслей, выводов, симпатий и антипатий. А

щикам, черносотенцам, Гитлеру и другим убийцам логические обоснования не требовались, им в основном дьявол ниспосылал какие-то наития.

Редактировать Удалить Ответить

Сергей Алещенок Елена Костюкович 09:48 Сегодня Ссылка раскрыть раскрыть ветвь

автор совершенно блистательной книги «Еда. Итальянское счастье», пишете ли вы сейчас что-то еще?

Поддержать Ответить

Елена Костюкович Сергей Алещенок 09:48 Сегодня Ссылка раскрыть

Спасибо за такие похвалы. Ну, я тремя руками пишу три книжки. Одну про Италию — она будет, надеюсь, лучше прежней, новая такая мини-энциклопедия, выросла она из яркой картинке жизни — тут у нас гуляют розовые фламинго во дворе одного палаццо недалеко от моего дома. Кто бывает в Милане, может сам прийти туда и посмотреть через прутья забора. Это на виа Каппуччини, напротив выхода из улицы Бароцци, на другой стороне улицы. Через зеленые кусты видно и розовые ноги, и павлинов белых с хвостами. Ну вот и родился вопрос: как они там поживают зимой? А летом? А остальные миланцы как в эти времена живут? А миланцы павлинов ведь не едят? Но они же ели павлинов в эпоху Ренессанса. Зачем? И на каких картинах итальянского Ренессанса погуливают павлины? Из этих цепочек ассоциаций (в основном с выходом на иконографию и комментарии к известным произведениям искусства) написалась книжка «Миланские сезоны». Мечтаю закончить до лета и отделаться от нее. Как раз до пляжного сезона. Wishful thinking.

Вторую книжку, художественную, я пишу так долго, что, думаю, и не узнаю, чем кончилось; это уж моим потомкам доведется узнать... А жаль, потому что триллер жутко

захватывающий.

Третью я делаю из отходов прочих работ. Она задумана, чтобы рассказать некоторым пишущим людям кое-что о них самих. Что они, может быть, знают, но стесняются сказать. Или, наоборот, знать не могут, потому что это полный бред... Я еще не решила для себя.

Редактировать Удалить Ответить

Елена Костюкович

Добавить заголовок...

Добавить текст...

Сс:

[Опубликовать ответ](#)

Сайт «Snob.ru» — информационный русскоязычный портал проекта «Сноб», в формировании которого участвуют члены нашего клуба. Клуб «Сноб» — это сообщество самых ярких и активных представителей культуры Global Russians.

Редакция:
Телефон: +7 (495) 785-65-85

Служба подписки и поддержки проекта «Сноб»:
Телефоны: +7 (495) 544-22-00, +7 (800) 100-11-30 (бесплатный звонок из всех городов России)

© 2008–2011 ООО «Сноб Медиа». Все права защищены.

2.